

В. В. Попов¹**ПОЧЕМУ РАЗЛИЧАЮТСЯ ТЕМПЫ РОСТА**

Вопрос о том, почему экономика в некоторых странах развивается быстрее, чем в других, является главным в экономической науке. На самом деле это давний вопрос о природе и причинах богатства народов [12]. Если смотреть на экономический рост в ретроспективе, то этот вопрос часто формулируется так: «Почему Запад разбогател раньше остальных?» и «Почему одни развивающиеся страны догоняют Запад, а другие нет?». К сожалению, между экономистами нет согласия по вопросу о том, какую именно политику нужно проводить для обеспечения высокого роста [7].

Многие соглашаются, что институты являются ключевым фактором экономического роста в долгосрочной перспективе [9; 10], но по поводу того, что

определяет силу институтов, согласия меньше. В этом докладе используются объективные показатели работоспособности институтов (теневая экономика и количество убийств) для того, чтобы проследить траектории институционального развития на глобальном Юге и рассмотреть гипотезы, объясняющие эти траектории.

Рост, политика и институты

Здесь мы рассматриваем только государственные институты, точнее — работоспособность государственных институтов, определяемую как способность государства обеспечивать соблюдение правил и предписаний. Субъективные параметры возможностей государства — показатели эффективности управления, соблюдения правовых норм, коррупции и тому подобные — имеют ряд недостатков [7], поэтому я предлагаю использовать объективные показатели, такие как уровень преступности, количество убийств², доля теневой экономики — способность государства установить монополию на применение силы и монополию на налогообложение.

По общим данным, в развитых странах Восточной и Южной Азии, странах Ближнего Востока и Северной Африки количество убийств составляет 1–10 на 100 тыс. жителей, а теневая экономика не превышает 30 % ВВП, в то время как в странах Африки к югу от Сахары, Латинской Америке и бывших республиках Советского Союза (страны Балтии, Белоруссия, Казахстан, Молдавия, Россия, Украина) количество убийств выше на порядок (10–100 на 100 тыс. жителей), а доля теневой эко-

¹ Главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, профессор-исследователь Института исследований Европы, России и Евразии Карлтонского университета (Канада), почетный профессор Российской экономической школы, доктор экономических наук. В 2009–2015 гг. работал советником и старшим экспертом в Департаменте ООН по экономическим и социальным вопросам. В 1990–2009 гг. преподавал в Высшей школе международного бизнеса Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, Академии внешней торговли (Москва), университетах Куинса, Торонто и Карлтона (Канада), в университете Кайзерслаутерна (Германия), Хельсинкской школе экономики (Финляндия). Автор 10 книг, в т. ч.: «На переломе: экономическая перестройка в СССР», «“Азиатский вирус” или “голландская болезнь”. Теория валютных кризисов» (в соавт.), “Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia, and the West” и др.; более 200 научных и публицистических статей, в т. ч. в журналах «Вопросы экономики», «Мировая экономика и международные отношения», «США — экономика, политика, идеология», «Экономический журнал», «Журнал новой экономической ассоциации» и др. Книги и статьи опубликованы на английском, испанском, итальянском, китайском, корейском, немецком, норвежском, португальском, русском, турецком, французском, японском языках. В 2010 г. журналом «Русский репортер» был включен в десятку самых влиятельных экономистов и социологов России в 2000–2010 гг.

² Преступления, особенно нетяжкие, лучше регистрируются в развитых странах, чем в развивающихся. Здесь я использую количество убийств, поскольку в большинстве стран тяжкие преступления регистрируют с наибольшей точностью.

номики составляет значительно больше 30 % ВВП. Экономический рост в крупных регионах глобального Юга тесно связан с количеством убийств и теневой экономикой (соотношение отрицательное — чем выше количество убийств и доля теневой экономики, тем меньше рост). Впереди всех по темпам роста Восточная Азия, за ней следуют Южная Азия и страны Ближнего Востока и Северной Африки, в то время как Латинская Америка, страны Африки к югу от Сахары и бывшие республики Советского Союза от них отстают.

Фактически количество убийств и доля теневой экономики — это объективные показатели работоспособности государственных институтов, и они оказываются лучшими институциональными предикторами долгосрочных темпов роста ВВП на душу населения. При регрессии на протяжении более 50 лет (1960–2013) в 80 странах, по которым имеются данные, до 40 % вариаций роста объясняются уровнем развития (ВВП на душу населения) и институциональными показателями (количество убийств и доля теневой экономики). Эти регрессии вполне устойчивы и продолжают на протяжении различных периодов (1960–1975, 1975–2000, 2000–2013 гг.). Среди переменных, напрямую связанных с ростом (например, темпы прироста капиталовложений, прироста населения и др.), работоспособность государственных институтов оказывается единственным важным предиктором роста.

Очевидна и обратная зависимость — между темпом роста и работоспособностью государственных институтов, измеряемой количеством убийств и долей теневой экономики.

Обычным возражением в случае таких регрессий является эндогенный характер этих переменных показателей работоспособности институтов, то есть не только они влияют на рост, но и рост влияет на них. Изучались данные по количеству убийств и доле теневой экономики за 2002 и 2005 годы, то есть на последнем этапе изучаемого периода экономического роста (1960–2013), что может представлять проблему, поскольку причина, конечно, должна предшествовать следствию. Однако данные по убийствам и теневой экономике за более ранний период по большей части отсутствуют¹, и достоверно проследить межстрановую регрессию возможно (40 наблюдений) только за недавний короткий период. Данные за 2000–2013 годы по сравнению с 1990-ми достаточно подробные, но это слишком короткий период для того, чтобы судить о долгосрочном росте.

Стандартный способ решения вопроса эндогенности — найти инструментальные переменные, но практически невозможно обнаружить такие переменные для институтов, не связанных с ростом. Однако можно поспорить, что количество убийств не изменилось за последние полвека, и в таком случае аргумент с эндогенностью не годится: на количество убийств экономический рост не влияет или влияет настолько мало, что изменения на протяжении полувеква бывают незначительными. В большинстве стран показатели количества убийств не сильно из-

менились в период с 1960 по 2013 год. Исключение составляют страны/территории, где наблюдались беспорядки, войны и/или переход от коммунизма к капитализму (Северная Ирландия в 1960-х гг., Кипр в 1970-х, Россия и бывшие республики Советского Союза в 1990-х — ни в одной из этих стран не наблюдалось быстрого роста).

В таком случае ключевым становится вопрос, что определяет работоспособность институтов государства, если не экономический рост. Почему в некоторых странах наблюдается высокая работоспособность институтов на протяжении многих десятилетий и быстрый рост, в то время как другие оказываются в ловушке с плохими институтами и медленным ростом?

Возникновение институтов

Есть две основные школы мысли, которые предлагают различные ответы на эти вопросы [8], одна из них признает ключевую роль институтов, другая не признает. Одна (эволюционная, или западная) выдвигает гипотезу, что страны, которые мы сегодня называем развитыми, приобрели в XVI веке и позднее ряд черт и институтов, отсутствовавших в более традиционных обществах [3; 4 и др.]. Список этих черт варьируется: от отмены крепостного права и протестантской этики до защиты прав собственности и свободных университетов.

Еще одна школа (восточная) ставит под вопрос логику эволюции, запущенную самими социальными силами [6; 13 и др.], и обращает особое внимание на исторические события, которые кажутся малозначительными. Эти события, позитивные и негативные, но по большей части случайные, предопределили развитие стран и континентов на ближайшие столетия. «С этой точки зрения, — объясняют редакторы книги, в которой исследуются важные несбывшиеся ожидания в человеческой истории и альтернативная история, — превосходство Запада было побочным продуктом природных сил, которые не являются заслугой западной цивилизации: географических случайностей, таких как местоположение горных массивов и береговых линий; геологических случайностей, таких как легкодоступность полезных ископаемых, или пахотная земля; климатических случайностей, таких как время ледниковых периодов или направление океанских течений; и биологических случайностей (не всегда таких уж случайных), которые влияют на восприимчивость различных групп населения к смертельным болезням» (Тетлук, Лебоу, Паркер).

В последние десятилетия благодаря подъему Азии заслужили большего доверия теории, отрицающие превосходство западной экономической модели и неизбежность успеха Запада. «По мере того как Япония, азиатские тигры и Китай превратились в крупные экономические державы, — пишет Иен Моррис, — все больше и больше ученых приходило к выводу, что теории, объясняющие успех Запада культурными, природными или расовыми причинами, которые действовали на протяжении длительного периода времени, просто не могут быть правильными. Они начали высказывать предположение, что главным в мировой истории был не долгосрочный неизбежный подъем Запада; это была сказка о многополярном мире, в котором Запад стал

¹ В случае 20–30 наблюдений эти регрессии относятся к периоду 1975–2013 годов, причем данные по теневой экономике и убийствам взяты за середину периода роста — 1990-е годы.

доминировать только недавно, временно, а возможно, и даже случайно» [5, с. 2].

Проблема этих объяснений состоит в том, что до XVI века было много стран с социальными структурами, которые обладали или способствовали развитию многих черт, объясняющих ускорение роста западной школы, и в них происходило много мелких случайных событий, которые, как считают сторонники восточной школы, обусловили рост. Но эти страны никогда не переживали роста производительности труда, сравнимого с тем, который начался в Великобритании и Нидерландах в XVI веке и позднее в остальной Европе (0,2–0,3 % в год в 1500–1800 гг. и 1 % и больше в дальнейшем).

Другое объяснение заключается в том, что ликвидация традиционных коллективистских институтов в западных странах связывалась с ростом неравенства доходов и даже снижением ожидаемой продолжительности жизни, но позволила перераспределить доход в пользу сбережений и капиталовложений в ущерб потреблению [8]. Уничтожение коллективистских (общественных) институтов было рискованным экспериментом, в результате которого доходы очень многих людей оказались ниже прожиточного минимума, что привело к снижению или замедлению прироста населения — основы военной мощи (количество людей — количество солдат) при мальтузианском режиме роста.

Ранние попытки обеспечить главенство прав отдельного человека над правами сообщества за счет отказа от коллективных интересов и поддержания неравенства на невысоком уровне (Греция, Рим, Византия) привели к массовой бедности, увеличению смертности и завоеванию чужеземцами. Только в северо-восточной Европе в XVI–XVIII веках эта политика каким-то образом оказалась успешной — впервые в истории.

Не высокая конкуренция, не предпринимательство, не идеи и новые технологии позволили Западу на порядок ускорить рост производительности труда. В первую очередь это был большой объем сбережений и инвестиций, что стало результатом растущего неравенства доходов и позволило снизить капиталовооруженность труда и превратить в металл идеи для новой продукции и технологий. Иначе говоря, Запад разбогател не благодаря изобретательности и духу предпринимательства, а благодаря жестокой и безжалостной ликвидации системы, которая ранее обеспечивала социальные гарантии для самых бедных слоев общества.

Когда та же схема была применена в развивающихся странах (через колонизацию — в Латинской Америке, странах Африки к югу от Сахары или добровольную вестернизацию в попытке догнать лидеров — в Российской империи), это привело к разрушению традиционных институтов, увеличению неравенства и ухудшению стартовых позиций для наверстывания упущенного. Эта группа стран повторила выход Запада из «мальтузианской ловушки»: они пережили быстрое возрастание разницы в доходах, рост сбережений, инвестиций и производительности труда, но заплатили за это усилением социального неравенства и ухудшением работоспособности институтов.

Другие развивающиеся страны (Восточная и Южная Азия, страны Ближнего Востока и Северной Африки) меньше пострадали от колониализма и смогли сохранить свои традиционные институты. Это отсрочило переход к современному экономическому росту [2] до середины XX века, но позволило сохранить хорошие стартовые позиции для роста — низкий уровень неравенства и сильные институты. В конце концов медленный технический прогресс позволил им найти другой, менее болезненный выход из «мальтузианской ловушки» — повышение дохода способствовало росту доли инвестиций в ВВП без резкого увеличения неравенства доходов, ухудшения работоспособности институтов и снижения ожидаемой продолжительности жизни.

Более вестернизированные страны на глобальном Юге (Латинская Америка и Российская империя) увеличили темп прироста сбережений и капиталовложений и выбрались из мальтузианской ловушки раньше других, в XVIII веке, но ценой подрыва необходимых условий для будущего роста — низкого уровня неравенства и сильных институтов. Поэтому Латинская Америка и Россия пережили некоторое ускорение в дальнейшем, но этого было недостаточно, чтобы догнать Запад. Колонизация африканских стран к югу от Сахары (за исключением ЮАР), в отличие от колонизации Латинской Америки и вестернизации России, не привела в результате к передаче технологий или человеческого капитала, но усилила неравенство и подорвала институты. Так что страны Африки к югу от Сахары оказались в невыгодном положении по всем статьям и имели худшие в мире показатели роста. В отличие от них, большинство менее вестернизированных стран Востока и Южной Азии, а также Ближнего Востока и Северной Африки смогли сохранить низкий уровень неравенства и эффективные коллективистские институты. Соотношение сбережений и инвестиций у них не превышало 10 % до середины XX века, что препятствовало росту, но после того как сбережения начали постепенно увеличиваться, оказалось, что у них у всех имеются предпосылки для быстрого роста. Некоторые из них продемонстрировали экономическое чудо, быстро догнав Запад (Восточная Азия), другие ускорили свое развитие в последние десятилетия (Южная Азия), третьи (страны Ближнего Востока и Северной Африки), вероятно, находятся в лучшем положении, чтобы ускорить свой экономический рост в будущем.

Общая модель мировой дивергенции представлена на рис. 1 [8]. Как и все схемы, эта схема упрощенная: она не позволяет охватить все разнообразие обстоятельств, но позволяет проследить основные факторы, отвечающие за перемены. Дело в том, что сегодня существуют две основные группы развивающихся стран: в одной (Восточная и Южная Азия, страны Ближнего Востока и Северной Африки) относительно низкий уровень неравенства, сильные государственные институты (низкие показатели количества убийств и небольшая доля теневой экономики) и высокие темпы роста сбережений и капиталовложений, в других (Латинская Америка, страны Африки к югу от Сахары, Россия

и некоторые бывшие республики Советского Союза) высокий уровень неравенства, слабые государственные институты (большое количество убийств и боль-

шая доля теневой экономики) и низкие темпы роста сбережений и капиталовложений. Вполне предсказуемо, что первая группа растет быстрее второй.

Рис. 1. Объяснение расхождений в росте в мире начиная с 1500-х годов. Три пути выхода из «мальтузианской ловушки»

Литература

1. Friedman E. Dodging the Grabbing Hand: The Determinants of Unofficial Activity in 69 Countries / E. Friedman, S. Johnson, D. Kaufmann, P. Zoido-Lobaton // Journal of Public Economics. — 2000. — June.
2. Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread / S. Kuznets. — New Haven : Yale University Press, 1966.
3. Landes D. Wealth and Poverty of Nations. Why Are Some So Rich and Others So Poor? / D. Landes. — N. Y. : W. W. Norton, 1998.
4. Mokyr J. The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy / J. Mokyr. — Princeton : Princeton University Press, 2002.
5. Morris I. The Measure of Civilization. How Social Development decides the fate of Nations / I. Morris. — Princeton : Princeton University Press, 2013.
6. Pomeranz K. The Great Divergence: Europe, China, and the Making of the Modern World Economy / K. Pomeranz. — Princeton : Princeton University Press, 2000.
7. Popov V. Developing New Measurements of State Institutional Capacity / V. Popov // PONARS Eurasia Policy Memo. — 2011. May. — № 158. MPRA Paper 32389. — Aug., 2011.

8. Popov V. Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia and the West / V. Popov. — N. Y. : Oxford University Press, 2014.
9. Rodrik D. Getting Institutions Right. CESifo / D. Rodrik // Journal for Institutional Comparisons. — 2004. Summer. — № 2 (4).
10. Rodrik D. Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development / D. Rodrik, A. Subramanian, F. Trebbi. — 2002. Oct. — [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://ksghome.harvard.edu/~drodrik.academic.ksg/institutionsrule,%205.0.pdf>
11. Schneider F. Shadow Economies and Corruption All Over the World: New Estimates for 145 Countries / F. Schneider // Economics: Open Access, Open Assessment E-Journal. — 2007. — July 24. — № 9.
12. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / A. Smith. — 1st ed. — L. : W. Strahan, 1776.
13. Wong R. B. China Transformed: Historical change and the limits of the European experience / R. B. Wong. — Ithaca ; N. Y. : Cornell University Press, 1997.